

Пока приходили в себя, подсчитал: эта встреча – девятая. Всего лишь девятая. Восемь плюс одна после шестилетнего перерыва. Такая вот нелепая арифметика. До сих пор не задумывался, но вдруг подсчитал и удивился. Проживаешь с женщиной целую жизнь, а при сверке оказывается – девять встреч. Обман чувств. Величайшая любовь его жизни (сейчас, когда, отвалившись от него на растерзанной простыне, Ева потягивается и урчит, как счастливая кошка, а по его бокам ползут ручейки горячего пота, дозволен любой, самый надрывный пафос), его любовь уложилась в девять встреч. Восемь плюс одна – ещё не оконченная, но осталось недолго. Похоже, он заряжен до утра. Но Ева после дежурства – не получилось найти подмену. И её скоро сморит.

– Я знаю, многие из тех, кто живёт, как я, скажут, что на самом деле с удовольствием жили бы за мужчиной спиной, – говорит она, аккуратно выдув сигаретный дым в приоткрытое окно.

Говорит, будто продолжив давно начатый разговор, хотя затяжное молчание только что прервано и за весь день ни о чём таком не сказано было ни слова.

– Дескать, пусть бы он командовал, всё решал. Так вот, это не про меня. Я одна именно потому, что не хотела и не хочу командиров. Я сама, мне так проще.

Ни вслух не произнёс, ни про себя не додумал. Уклонился как мог. Но Ева угадала. Зудело в нём и покусывало за нежные места изматывающее недоумение: «Почему мы не вместе?»

– Ты стала такой. – Он пожимает плечами.

Внешне – состоявшийся мужчина слегка за сорок, уверенный в себе и собою в целом довольный. Повторяющий

мысленно снова и снова: «Господи! Ну как я мог её упустить?»

– Ты же не знаешь, какой бы ты была, если бы в твоей жизни случился другой мужчина, – и осёкся.

Между ними тяжело ложится недосказанное: собственное, он и мог стать этим самым другим мужчиной. Не стал. Случиться-то случился, но не состоялся.

Ясно же, она заговорила об этом, как раз чтобы упредить. А он как в стену головой.

– Не парься, – улыбается Ева, выглядывая из-за штор. – Так лучше, как вышло.

Это у них запросто – отвечать на то, что не было произнесено. Будто два билингва перескакивают с одного языка на другой. И в каждом таком акте предельной близости «до» или «после» он переживает удовольствие не менее плотское, чем во время.

«Господи, прости меня за то, что упустил её!»

– Правда. Так лучше. – Ева вдавливая окурок в крышку от банки оливок. – Мы всё равно не смогли бы жить вместе.

– Аргументы?

– Во-первых, я несносная...

– Во-первых, ты лучше всех. И, во-вторых, не будем об этом, пожалуйста. Всё слишком очевидно. Давай перекусим.

Пока она надевала гостиничный халат, заметил красные паутинки у неё на ногах – лопнувшие капилляры. Улыбнулся грустно, продолжил выкладывать на журнальный столик магазинные закуски. Кольнуло, но не огорчение – дескать, Ева постарела. Шесть долгих лет (тех самых, в которые уложилась пауза их отдельной жизни – основной для каждого из них, как ни крути: все магистральные сюжеты – врозь), шесть окончательных

и бесповоротных лет впустил в себя только что разом, одним ледяным глотком. И подумал рассеянно: «Вот кто мы друг другу?»

В который раз – всматриваясь и в себя, и в неё... и нет ответа. Простого и понятного – нет. Есть непростой и непонятный. Вылез сам собой и торчит загадочно, как древняя плита с полустёртыми рунами.

Съезжались по несколько раз в год в Москве – она из Питера, он из Ростова. «Еду в командировку. Встретимся?» Или она черканёт: «У меня в Москве симпозиум. Приедешь?» Раньше он влюблялся в других – стервозных или ярких, пробуждающих азарт издалека. И вдруг она – женщина с допотопным, отдающим цыганщиной именем. «Родители по молодости были очень экзальтированы. Альтернативный вариант был Эвридика. Как говорится, и на этом спасибо».

Командировочный роман, весьма пунктирный. Выросший из случайного командировочного секса на семинаре по эндоскопическому шунтированию.

За шестилетний перерыв она успела сойтись с мужем, официально с ним развестись и родить третьего сына – уже не от мужа. Много. Но Евы всегда было много. Не механически: говорит компактно, жесты экономит, одевается «лишь бы удобно и не глазели». Её много, как бывает много горизонта или высоты. Захватывает дух. Она несёт в себе такой аппетит к жизни – упрямый, искренний, что рядом с ней немедленно хочется тоже превратить свои будни в подвиг: устроиться на три работы, завести собаку-кошку-черепаху, нарожать детей, перечитывать Достоевского и разбираться в русском рэпе, потому что старший подсел и нужно быть в теме. До поры до времени, пока не прозвучало в телефонной трубке ровно и спокойно: «Не смогу приехать. Я беременна. Не от тебя». Он любил в ней эту витальную избыточность отдельно,

несколько со стороны, как любят таланты любовниц: «А моя-то ах какая...»

– Расскажу, если хочешь. Но тебе будет больно.

Он подумал и не захотел. «Отец её третьего сына» – пусть лучше так, наклеим на ранку эвфемизм. Меньше зацепок, меньше поводов задуматься. Не на пользу ему задумываться об этом другом. Слишком многое сходится в этой точке.

Он тоже развёлся. Не для того, чтобы быть с Евой. Она к тому времени уже родила, а он пребывал в безнадежном ступоре: «Как? Даже не от мужа, был ещё кто-то?», который, казалось, расставил все точки. Пока однажды посреди посиделок при свечах с очаровательной улыбчивой Ритой, удачно обретённой на сайте знакомств, не стукнуло в самое темя, как бьёт, наверное, insult: «Никого не люблю после Евы».

А от Евы оставалась тогда лишь сбивчивая, то и дело сходявшая на нет переписка. «У нас, значит, эпистолярная дружба теперь? Что ж, не худший финал». Вспоминал её всё реже, но и забыть не получалось. В самых неожиданных, иногда категорически неуместных местах: «Это не Ева. Как с Евой уже не будет». И дальше валилось одно за другим: как она говорила с ним, запоем, – и от этого ему казалось, что он после долгого отсутствия вернулся домой; как обнимала при встрече, утыкаясь в ключицу, как она отдавалась ему – никто и никогда, никто и никогда – всей кожей; казалось, вся насквозь – переживая, достаточно ли... шептала в самый разгар, улыбаясь и глядя прямо в глаза: «Нравится? Нравится?»

Вот из-за этих-то мучительно сладких непрошенных воспоминаний он и развёлся. Рядом с ними рушились любые попытки скрыть от самого себя, насколько Вика, жена, – чужая. Не то чтобы стала чужой – не стала такой, как Ева.

Потом... ничего, собственно, не случилось... просто всё остальное закончилось подчистую, и он решился увидеть то, на фоне чего всё остальное до сих пор копошилось: ни с кем не было так хорошо, как с ней, никто не был роднее. Написал ей, нарушив установившийся легко-весный тон, не стал себя удерживать: «Как же я по тебе скучаю». И она отозвалась: «Может, ну её на фиг, дружбу по переписке? Давай-ка в Москву? Пошалим, коньяка по-пью, в Третьяковку сходим».

– Столько всего хочется сказать, а слов подходящих нет, как обычно. – Собирается в душ, ищет тапочки. – Ты же знаешь, у меня со словами всегда так. Припаздывают слова.

«Лучше уж слова, – усмехнулся он про себя, разглядывая складки мятой простыни, собравшейся лучиками там, где она впивалась в неё руками. – Некоторые из присутствующих, расставшись с женщиной, понимают, что любят её навсегда. Вот это я понимаю припоздать».

– Может, вместе в душ, солнце?

– Нет-нет, мне там надо. – Вернулась в комнату из коридора, уже в тапочках, взяла с трюмо резинку для волос. – Я быстро.

Шагнула в сторону ванной, но вдруг передумала – повалила его на кровать. Целовала так хищно и жадно, что прикусила ему губу.

– Извини.

– Не останавливайся.

Он лежал, закрыв глаза и раскинув руки, вспоминая радость этих блаженных взрывов. Когда вот так – сама, пожирая, вжимаясь до боли. Когда не выживаешь из интонаций, не дорисовываешь – мясом чувствуешь, как она тебя хочет. «Ни с кем, ни с кем, ни с одной».

– Сильно? Покажи. Кровоточит?

– В самый раз.

– Извини, я... тоже очень соскучилась.

– Я, знаешь, пожалел, что согласился на Третьяковку.

Выпрямилась, скользнув пальцами по его животу. Уселась сверху и смотрит насмешливо.

– Чего это? Такой там Серов замечательный. И твой любимый Верещагин.

– Промаялся весь день. Какой, к бесам, Верещагин? Чуть не лопнул от либидо.

– Ох... И я. Раздразнил бедную женщину. То за плечо, то за бедро...

– Там ещё эти дети кругом, экскурсии. И эти...

Накрыла его рот своим.

– Эти, как их... блюстительницы... смотрительницы... бабушки...

Оторвалась, погладила его по щеке.

– Кто же знал, что мы так встретимся... так легко... А? Так же не бывает? Боялась. Думала, как всё будет, как он меня встретит. Поэтому и Третьяковка. Время потянуть.

– Конечно, не бывает.

Подумалось зачем-то в эту секунду, весьма витиевато: доведись погибать вдвоём в какой-нибудь катастрофе, он бы, пожалуй, держался героически... потому что – она ведь смотрит.

– Всё, я в душ.

Роман, конечно, пунктирный. Только сшил он суровой ниткой всю его нескладную жизнь.

Не развёлся бы, если бы не Ева. Если бы не было Евы. Да, не ради неё: жизнь совместная не предусматривалась ни в каком виде. Не обсуждалась.

Сначала с мужем сошлась: «Попробую ещё раз. Прости, Москвы у нас не будет». Потом развелась – осенью, а в декабре: «Я беременна. Не от тебя».

Теперь-то он всё себе высказал: «А ты думал, она как любимая книжка. Открыл, почитал и на полку до следующего раза».

Но тогда, в декабре, он притих и искал убежища в том, что казалось самым крепким убежищем. Собрался быть трезвым и твёрдым. Дескать, этим всё сказано, кончен бал.

И – не кончилось ничего.

Но уже не сможет начаться.

Так, как стоило бы начать.

Пока он лежит, глядя в гостиничный потолок, в оглушительной вселенской пустоте с журчащим душем и сохнувшими на блюде оливками – в оглушительной вселенской пустоте, для которой только и существуют гостиничные номера, чистенькие и одинаковые контейнеры человеко-часов – пока он лежит, сорокалетний голый мужик под яркими лампами, ему не страшно сознаваться в том, что, возможно, чуть позже он попытается смягчить и раскрасить. Ева осталась. Но осталась так, как не остаётся то, что может быть твоим. Как речка подо льдом. Как пожар в терриконе. И самое плохое – он не знает, что с этим делать. Он не умеет.

– Говорила же, недолго. Это уже неизлечимо. Даже если можно сделать что-нибудь не спеша, потянуть... всё равно как солдат по тревоге.

Ложится рядом.

– Что же ты со мной сделал, Андрюша. До сих пор всё дрожит.

Когда брак с Викой, полный привычных неловкостей и умолчаний вроде отдельных друзей и отпусков, завершился – пока ещё только внутри, освобождая от последних привязанностей, – оставаясь дома один, он безвольно слонялся по квартире. «Что это? Зачем?»

Принюхивался, бывало: всё ему мерещились запахи посторонние; застывал перед открытыми дверцами шкафов, не сразу припоминая, где там что лежит. Возвращаясь же с парковки, невольно замедлял шаг: возвращение в ненастоящее настоящее требовало усилий. Усмехался желчно: пока изменял Зое с Евой, запросто перебежал из мира в мир, скользил вдохновенно и весело, как танцор по паркету, – а стоило закончиться забавам адюльтера, принялся давать жертву совести. Вспомнит при Вике про Еву – и покраснеет. И любая будничная семейная мелочь требовала теперь специальных напряжённых усилий. Будто на суде, где решается чья-то судьба, ему задан решающий вопрос, а он собрался лжесвидетельствовать.

Сарказм поначалу помогал, но, как водится, ненадолго.

Вика предпочла деловой подход: она всегда умела пройти по тонкому льду налегке, без эмоций.

– Квартиру будем делить?

Без жалких вступлений, на фуршете перед какой-то премьерой, подвинув к нему тарелку с канапе.

– Вот эти вкусные, с виноградинами. Там брю недурственный.

– Спасибо... Нет, квартира останется тебе. Я возьму ипотеку.

– Спасибо.

– Прости, что так...

– Ладно. С кем не бывает.

Он был благодарен ей за великодушную сдержанность. Но тем скорее от неё ушёл. Болтаться бесполезно промеж двух сильных женщин – таких разных, но одинаково умеющих обойтись без него – было невыносимо и глупо.

Восемь свиданий в гостиницах. И основательный брак, кропотливо выстроенный в обход всех острых углов, терпеливо обжитой, укреплённый взаимными уступками и точно выверенными компромиссами, умер.

– Только ни слова про любовь, ладно?

Лежали, разомлевшие, уткнувшись друг в друга – по-трагивая, поглаживая, невозможно ведь остановиться сразу, отпустить краешек рая – и она сказала – так предупреждают о чём-то важном – голосом заранее тревожным: «Ни слова про любовь». Он кивнул – куда-то ей в плечо. И не сказал ни слова.

Потом она снова стояла у окна, разглядывая московские огни. Высокий этаж, видно далеко.

– Я это запомню, – обронила. – Этот вид из окон.

– Давай вместе, – ответил он и встал рядом.

И это всё. Он знает, почему сантименты – табу. У неё нет на это времени и жизненных соков. «Мне нельзя. Я должна быть стальной заводной собачкой. Утром завелась – побежала. Работа, ещё работа, дети. Вечером завод закончился. На автопилоте уроки, купание, обед на завтра, завела будильник, упала, уснула. Иначе я сломаюсь. Если позволю себе... даже немного... Сломаюсь, мне нельзя». Отделение кардиологии, подработка в поликлинике через дорогу. Старший заканчивает первый курс, младший готовится в школу. «Знаешь, в этом есть свои плюсы. «Должна» как ответ сразу на всё. Чтобы не заморачиваться каждый раз отдельно. Игра облегчается, когда в запасе самый высокий козырь – я должна». Возможно, это письмо её немного задело. По крайней мере, он на это рассчитывал – без особой надежды вывести её из равновесия и подтолкнуть поближе к себе – скорее раздражаясь из-за неприступности её островной империи и позволяя себе выплеснуть раздражение. Она отреагировала коротко, в тот раз оставив недосказанное без ответа: «Наверное, так проще. Но я и не искала, как сложней».

Незаметно он и сам научился отсекать сантименты. Отстранённо вспоминал, как умел когда-то и, чего уж

там, даже любил растравить душу – и ей, и себе. То ли повзрослел, то ли заново научился чувствовать. Ему понравилось.

В этом небиблейском раю имена существу раздавались по новым правилам. Здешний Адам перенял у здешней Евы её манеру предусмотрительно избегать называния самого большого – такого, в чём может скрываться опасность.

– Почему я не пьянею? – Он качнул коньяк в толсто-стенном стакане. – Ну ладно ты. Сачкуешь, тянешь понемногу...

– Я иначе отрублюсь, Андрюш.

– Понимаю.

– Неделя была адская.

– Но я-то хлещу по-честному. И трезвый как стёклышко. Пациенты дарят тебе безалкогольный коньяк, Ева. Куда катится мир.

– Хороший коньяк, не выдумывай.

– Но почему я трезвый, доктор?

– Алкоголь, видимо, не успевает всосаться в кровь.

– Переходит в чистую энергию?

Потянулась всем телом, до хруста.

– Ага, переходит... Слушай, если будет следующий раз, давай сходим на каток? Если это будет зимой. – Уткнулась ему в плечо, и голос сразу сонный. – Мечтаю в парке Горького на катке покататься. Ты как, на коньках-то стоишь?

Он гладит её по голове, пропуская время от времени сквозь пальцы густые тяжёлые пряди.

– Ну как... Стою отлично. Ехать не могу.

– Жаль.

– Поучусь, раз такое дело. Для следующего раза.

– Хорошо бы. Хорошо бы, чтобы был следующий раз.

– Будет.

– Хорошо. И ещё хочу с тобой в театр. Представляешь?

Ты в костюме, я в вечернем платье.

– Да. Что-нибудь трагическое. Может быть, классика.

– Именно классика.

– А потом в номер и, не доходя до постели...

– Прекрасный план, просто замечательный.

А сама уже не открывает глаз и дышит размеренно.

– Потом вот так же, как сегодня, побудем счастливы часов пять; восемь, если ты будешь не после дежурства.

И разъедемся каждый в свою жизнь. С твоей всё понятно. Работа-дети-работа. Об остальном, если оно есть, мне лучше не знать. А мне ещё предстоит что-нибудь сочинить.

Она засыпает неслышно, будто выходит на цыпочках из детской, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Буду встречаться с другими. Искать... то, что обычно ищут в других. Не найду, конечно, – произносит каждое слово медленно, будто прислушиваясь, как оно звучит. – А потом... вдруг... это же всегда, наверное, вдруг – старость и... что там ещё бывает.

Осторожно, чтобы её не разбудить, поднялся с постели. Она всё-таки проснулась. Вздохнула в полусне, потянулась к нему рукой.

– Спи. Всё хорошо.

– Я бы чуть-чуть вздремнула.

– Спи.

– Ты разбуди меня.

Пока Ева спит, он разглядывает зыбкое отражение, растворившееся в огнях неугомонной Москвы. Всматривается, совмещает имеющиеся обстоятельства с картинкой. Вот он – стоит, прижав к губам костяшки пальцев. Вот его любимая женщина. Свернулась калачиком под толстым белым одеялом. Она спит тихо. Двойные стёкла

надёжно отсекают шум Кольцевой. Нечем разбавить тишину, нагрывшуюся внутри. Коньяк не справляется, да и глупо было рассчитывать на коньяк. Он сам пришёл сюда, в её одинокое логово. «Я лучше сама». Пришёл, чтобы напомнить себе, каким могло бы быть счастье. В этом беспощадно тихом месте слышно всё. Слишком многое. Самое страшное – тоже. Она не досталась ему потому, что он слаб. Он слабее. Она была бы с ним, если бы он сумел предложить ей – навязать, чёрт возьми: «А дальше будет так» – другую жизнь, себя, своё счастье, которое, возможно, сумел бы сделать и её счастьем. Неважно, скрыто ли на самом деле в её решительном «я сама» хитрое женское ожидание быть переубеждённой – сломленной, завоёванной в доказательство того, что всё серьёзно. Потому что это не про него.

Скоро сработает будильник. Ей нужно на ранний поезд: с двух начинается приём в поликлинике.

Он ложится рядом, близко – так, чтобы вдыхать её дыхание. Осторожно касается волос.

– Ева, – шепчет он. – Ева, иди ко мне, Евочка. Я хочу ещё.